

Сомов, 2020 – Сомов А. Б. Апокалиптика и представления о посмертной участи в раннем иудаизме и в Новом завете. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. 108 с.

Элиаде, 2002 – Элиаде М. История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. В 3 томах. Т. 2. М.: Академический проспект, 2002. 512 с.

Элиаде, 2000 – Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Избранные сочинения. М.: Ладомир, 2000. С. 23 – 122.

Элиаде, 2019 – Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: Академический проспект, 2000. 254 с.

Юнг, 1991 – Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 160 с.

Юнг, 2008 – Юнг К. Г. Символы трансформации. М.: АСТ, 2008. 731 с.

Юнг, 2021 – Юнг К. Г. Структура и динамика психического. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2021. 600 с.

Юнг, 2020 – Юнг К. Г. Ответ Иову. М.: Канон, 2020. 352 с.

Юнг, 2010 – Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.

Polak, 1973 – Polak F. The image of the future (E. Boulding, Trans.) Amsterdam: Elsevier, 1973.

УДК 801.73

Зубова М. В.,

кандидат философских наук,

доцент кафедры логики, философии и методологии науки,

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Знаковая природа философского текста

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-2-32-43

В статье рассмотрены основные аспекты знаковой природы текста в философском творчестве. Исследована семантика и прагматика философского текста в их взаимосвязи. Проанализировано соотношение коммуникативных действий автора и адресата в процессе создания смыслового поля философского текста. Рассмотрена речемыслительная деятельность автора философского текста и основополагающие её компоненты. Выявлено, что философский текст не может быть сведен только к знаковой системе, воспринимаемой адресатом: текст всегда помещен в определенный социально-культурный контекст.

Ключевые слова: *философский текст, знак, автор, адресат, семантика философского текста, коммуникативная деятельность, референтность философского текста, форма и содержание философского текста.*

Zubova M. V.,

*Candidate of Philosophy, Associate professor of
Department of logic, philosophy and methodology of science,
Orel State University named after I.S. Turgenev*

The iconic nature of the philosophical text

The article examines the main aspects of the iconic nature of the text in philosophical creativity. The semantics and pragmatics of the philosophical text in their interrelation are investigated. The correlation of the author's and addressee's communicative activities in the process of creating the semantic field of a philosophical text is analyzed. The speech-thinking activity of the author of the philosophical text and its fundamental components are considered. It is revealed that a philosophical text cannot be reduced only to a sign system perceived by the addressee: the text is always placed in a certain socio-cultural context.

Keywords: *philosophical text, sign, author, addressee, semantics of the philosophical text, communicative activity, reference of the philosophical text, form and content of the philosophical text.*

Существенным аспектом онтологии философского текста является его бытие как знакового образования, как знака. Через описание семиотического аспекта онтологии философского текста последний может быть рационально представлен в парадигме знаков, где его место пока еще недостаточно уточнено. То есть текст, имея различную форму сущности (печатная, звуковая), представляет собой знаковую конструкцию в философии. Соответственно, как знаковая система философский текст – это совокупность речевых знаков и их последовательностей в смысловом пространстве философской идеи. Текст в рамках философии можно рассматривать как самодостаточный знак, если не обращаться к его внутренней структуре. Следовательно, анализ знаковой природы философского текста является весьма актуальной темой в рамках исследования онтологии текста как коммуникативной единицы в философии. Актуальность темы подтверждается необходимостью анализа структурных элементов философского текста с целью выявления роли автора и адресата в процессе формирования семантического поля философского текста как знака.

В статье подробно анализируется философский текст как знаковая система, состоящая из дискретных речемыслительных деятельностей автора и адресата с учетом семантики и прагматики текстовой конструкции. Философский текст будет рассмотрен не только как знаковая сущность, новизна заключается в том, чтобы проанализировать влияние коммуникативно-познавательных деятельностей автора и адресата на функциональность текстовой семантики. Так как философский текст может быть представлен в различном коммуникативном потенциале, поэтому важно понимать

структурность текстовой конструкции. В рамках данного исследования проводится анализ семантического и прагматического поля философского текста, учитывающих речемыслительную деятельность коммуникантов. Данное исследование проведено на базе комплексного научного подхода, который позволяет синтезировать результаты научных исследований знаковой природы философского текста, используя преимущественно аналитический метод исследования. Также применяются общенаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция, абстрагирование, что позволило более детально рассмотреть философский текст как знак и ключевые аспекты его репрезентации в коммуникативной деятельности адресата.

В 2006 году была опубликована монография А. П. Алексеева «Философский текст: идеи, аргументация, образы», содержащая анализ философской текстовой коммуникации [Алексеев, 2006]. Особое внимание автор монографии уделяет рассмотрению философского текста как целостного многоаспектного феномена, в значительной степени определяющего место и роль философии в культуре. Определенный вклад в рассмотрение текстовой структуры, семантического и прагматического аспекта восприятия и интерпретации текста внесли такие исследователи, как Г. В. Сори́на, Н. С. Валгина, Т. Н. Хомутова и т. д.

Знаковая сущность философского текста может быть определена по-разному в зависимости от того, что исследователь берет за обозначаемое для используемого знака. Материальные знаки всегда что-то обозначают или замещают. То есть в философии в качестве обозначаемого в тексте может быть рассмотрена некоторая концепция (ситуация или предмет) в референтной области. Это может быть определенная аксиологическая ситуация, аспект культуры, различное восприятие действительности и т. д.

Необходимым условием восприятия и интерпретации философского текста является его анализ в реальном коммуникативном пространстве. В этом случае коммуникативное пространство должно представлять собой систему коммуникативных взаимодействий, представленных разнообразными компонентами: коммуникативный опыт автора и адресата, система языка, цель, задачи, социокультурная нормативность, вариативность образов референтных ситуаций у автора, в том числе и условия их интерпретации у адресата. Следовательно, философский текст опосредован, прежде всего, взаимосвязью речемыслительной деятельности автора и коммуникативной деятельности адресата. Поэтому отправной точкой в понимании философского текста как знакового и функционального звена коммуникативного пространства является намерение автора, детерминированное его когнитивной, аксиологической и языковой системой, а также их синтез, предполагающий вариативность деятельности адресата с философским текстом.

При анализе знакового существа философского текста большое значение имеет коммуникативная деятельность автора. Поэтому самые общие принципы, необходимые для анализа дискурсивной семантики философского текста, связаны с деятельностным осмыслением коммуникативного пространства.

Такое осмысление предполагает понимание философского текста как сопряженного знака коммуникативной деятельности автора, содержащего модель координирования в коммуникативном пространстве. Поэтому рационально представлять философский текст в качестве знака некоторой референтной ситуации, которая в тексте замещается не прямо, а с помощью преобразования текста, как в сознании автора, так и в сознании адресата, воспринимающего данное произведение. Следовательно, философский текст является знаком предметной ситуации, только если он интерпретируется как знак авторской коммуникативно-познавательной деятельности. Референтность знаковой природы философского текста является частным проявлением деятельностного содержания его знаковости.

Построение референтной ситуации в процессе создания философского текста, являясь условием и проекцией сопряженного моделирования коммуникативного пространства автора и реципиента философского текста, само с необходимостью представляет собой условие и проекцию создания некоторого исходного образа референтной ситуации у говорящего (автора) и некоторого мыслимого, предполагаемого образа референтной ситуации у воспринимающего философский текст. Так, например, по мнению Ш. Балли, «даже самые отвлеченные вещи предстают в речи, пропущенные сквозь призму наших нужд, потребностей и желаний в смутном свете субъективного восприятия» [Балли, 2001: 328]. Но потребность, под воздействием которой автор создает философский текст, конструируя его семантику, опосредованную референтной ситуацией, заключается в том, чтобы расширить когнитивную систему адресата определённой смысловой конструкцией. В этом случае семантическая конструкция должна в процессе интерпретации с необходимостью соотноситься с когнитивной системой адресата. Таким образом, референтность философского текста, его семантическое пространство представлены процессом взаимодействия вариативных образов референтной ситуации текста, как у автора, так и у адресата. В этом случае философский текст – это знак определенного культурного пространства. Это возможно только благодаря тому, что текст является результатом в виде знака коммуникативно-познавательных деятельностей автора и адресата, даже если они имеют пространственно-временное разграничение контекста. Культурный срез знаковой природы философского текста является частной стороной деятельностного содержания его знаковости.

Важно отметить, что помимо референтности философского текста, он является знаком определенных мотивов, действий, осуществляемых автором в процессе работы с текстом. Эти мотивы и действия представляют собой деятельность автора по созданию или смысловому восприятию философского текста. Из всего вышесказанного, очевидно, что важным в исследовании сущности философского текста как совокупной целостности знаков выступает соотношение знака с коммуникативной деятельностью, как автора, так и реципиента, а все остальное является частными аспектами сущности философского текста.

Следует отметить, что речь о коммуникативных деятельности автора и адресата в процессе создания философского текста вполне закономерна, поскольку он всегда ориентирован на абстрактного реципиента и на предполагаемый вариант его деятельности в контексте философского смысла, транслируемого текстом. В свою очередь, коммуникативная деятельность автора практически всегда предполагает идеальную модель деятельности адресата по отношению к тексту, поэтому философский текст выступает как знак, символизируя не только деятельность автора, но и предвосхищая деятельность адресата по его осмыслению.

М. Монтень высказал мысль о том, что «произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему» и о том, что «последний должен принимать их так, как они ему брошены, подобно тому, как во время игры в мяч принимающий делает те или иные движения в зависимости от движений бросающего или от характера броска» [Монтень, 1991: 590]. Развивая аналогию М. Монтеня, следует отметить, что и автор философского текста формирует и использует слова так, чтобы вызвать их вполне определенное, отвечающее его интересам понимание воспринимающим, подобно тому, как во время игры в мяч движения бросающего и подача броска определяются тем, к каким движениям стремится бросающий побудить принимающего. Таким образом, философский текст является результатом знаковой модели деятельности, то есть это модель деятельности автора текста, потому что текст является целью данной деятельности.

Нам известно, что деятельность человека материализуется, воплощается в результате (продукте деятельности). Философский текст, с этой точки зрения, представляет модель деятельности адресата: как знаковая модель идеального образа деятельности адресата, функционирующего в деятельности автора, то есть как программа для реальной деятельности адресата. Но эти две стороны знаковой модели философского текста неразрывны, так как философский текст семиотически един. Философский текст в целом – это знаковая модель и деятельности автора, и деятельности абстрактного адресата. Выделить в философском тексте нечто, специально предназначенное для адресата, на фоне чего-то, для адресата не предназначенного, можно лишь условно. В силу этого философский текст есть знак (знаковая модель) сопряжения коммуникативных деятельностей автора и адресата с возможным пространственно-временным разрывом контекста взаимодействия.

Итак, рассмотрение философского текста в качестве функционального звена коммуникативного процесса в философии позволяет определить его знаковую сущность как варианта сопряжения первичной и вторичной коммуникативной деятельности, то есть как знака и одновременно системы знаков и знаковых последовательностей, замещающих коммуникативные деятельности автора и адресата в их взаимодействии.

В рамках рассмотренного понимания философского текста как знака с очевидностью следует, что семантическим полем текста выступают реальные коммуникативные действия участников взаимодействия. Прагматическое

измерение философского текста фиксирует отношение знака к тем субъектам, которые этим знаком пользуются. Значит, прагматическое поле философского текста представляет собой реальную коммуникативную деятельность автора и адресата. Таким образом, коммуникативные деятельности автора и адресата при коммуникативно-семиотическом определении философского текста приводят к констатации совпадения семантики и прагматики философского текста.

Подобное рассуждение приводит нас к вопросу о возможности в речевой деятельности чисто семантической связи между знаком и его обозначением, если она никак не опосредована человеческим субъективным отношением. Деятельность человека вообще и коммуникативно-познавательная деятельность в частности всегда детерминирована мотивом, а мотив деятельности заключается в удовлетворении потребности. Потребность всегда субъективно значима, иначе не было бы смысла ее существования у конкретного человека. Субъективная значимость потребности обуславливает и субъективное переживание мотива речевой деятельности, посредством которого субъективное восприятие транслируется на все действия коммуниканта. Поэтому только семантическое измерение философского текста без отсыла к его прагматике, конечно, возможно, но только если мы будем его рассматривать как продукт индифферентный к знаковой реальности. В действительности философский текст как семантическое пространство взаимосвязанных деятельностей автора и адресата является прагматическим выражением философского смысла.

Интересен факт, что в классической лингвистике текст может рассматриваться как «чисто» денотативное образование, то есть референтность текста рассматривается в отвлеченном от прагматики аспекте (отсутствие субъективно-человеческой окраски). Такое понимание текста появилось на определенном этапе развития лингвистики как науки: текст в рамках лингвистической деятельности был ограничен пределами языковой системы как совокупности абстрактных единиц, категорий и правил. Такое понимание может быть вполне реалистичным, но только в пределах абстрактного текста, отвлеченного от связи языковой системы с коммуникативным процессом. Однако учитывая деятельностную мотивированность автора философского текста, в том числе и рамках его семантики, следует сказать о сопряженности семантического поля с категорией коннотации, а денотацию выделить как часть (аспект) коннотации в рамках создания философского текста.

В рамках коммуникативно-деятельностной трактовки философского текста можно определить его содержание как сопряженную знаковую модель коммуникативных деятельностей автора и адресата. Такого рода содержание, знаковое по своей природе, то есть исключительно материальное, можно назвать коммуникативным или системным содержанием текста.

Материальность содержания философского текста объясняется тем, что содержание всегда присуще самому предмету и не может находиться вне предмета, в котором оно находится. Модель сопряжения коммуникативных

деятельностей принадлежит самому философскому тексту как системе материальных знаков. Поэтому ни понятия, ни их взаимосвязь в суждениях, ни умозаключения не могут анализироваться как самостоятельные компоненты философского текста, поскольку, будучи мыслительными образованиями, они существуют только в сознании автора, как индивидуальная коммуникативно-познавательная деятельность.

Необходимо отметить, что в философском тексте есть только материальные знаки, замещающие указанные интеллектуальные сущности как компоненты реальных коммуникативных деятельностей. Философский текст как знаковая система имеет не только содержание, но и форму: содержание представлено знаковой моделью соотношения коммуникативных деятельностей автора и адресата, а форма – определённый тип знакового воплощения этой модели посредством различных конфигураций знаков и их взаимосвязей. То есть их определенного расположения относительно друг друга, определенного объёма знаковой массы, её структурности, связей между знаками и группами знаков, их вариативности, обусловленной взаимным влиянием.

Следовательно, философский текст как знаковая система относится к обозначаемому, воплощая семантико-прагматическое отношение сопряженного моделирования коммуникативной деятельности автора и адресата. При семантическом анализе философского текста (именно текста, а не абстрактной языковой единицы) семантика с необходимостью становится опосредована прагматикой, и наоборот. Следовательно, семантический анализ философского текста с необходимостью предполагает интерпретацию прагматического аспекта семантики текста. В свою очередь, прагматический анализ направлен на семантику взаимосвязи деятельности субъектов посредством системы используемого языка. Анализ семантики философского текста говорит о степени мотивированности обозначаемых знаками текста идей, процессов, признаков и их соотношений необходимостью координации реальных деятельностей коммуникантов в рамках философии. В свою очередь, исследование прагматики философского текста должно давать понимание того, как обозначение каких-либо идей, признаков и их взаимосвязей может отражаться в коммуникативных действиях адресата в его сопряжении с определенным действием автора философского текста, то есть интерактивной организации речевой коммуникации.

Говоря об адресате философского текста, можно утверждать, что основанием для взаимосвязи высказываний как компонентов структуры философского текста выступает мотивированная коммуникативная деятельность, предлагаемая адресату как воспринимающему философский текст. Если проанализировать феномен связности в аспекте деятельности отправителя, то основанием связности высказываний выступает необходимая связь его речемыслительных действий. В то же время системно-коммуникативное объяснение закономерностей создания философского текста опосредовано интеграцией наличия таких факторов, как автор и адресат. В связи с этим в качестве основания феномена связности рассматривается

необходимость перехода от одного компонента коммуникативного содержания к другому, то есть перехода от одного компонента сопряженной модели деятельности коммуникантов к другому.

Анализируя знаковую структуру философского текста, рационально говорить о связи относительно самостоятельного действия в структуре деятельности коммуниканта с высказыванием как компонентом текста. Компоненты философского текста, занимающие промежуточное положение между уровнем целого текста и уровнем простого высказывания – это группа речемыслительных (коммуникативных) действий, то есть относительно самостоятельный элемент текстовой конструкции.

Таким образом, комплексы речемыслительных действий и высказывание имеют определенную мотивированность коммуникативным содержанием, их наличие необходимо для процесса сопряжения коммуникативных действий автора и адресата в рамках философского текста. Но любое речемыслительное действие человека оперирует представлениями о предметах. Поэтому, чтобы управлять речемыслительным действием адресата, знаковая программа такого действия должна соотносить моделируемое и управляемое взаимодействие с миром предметов. Следовательно, возникает коммуникативная необходимость предметной соотнесенности высказывания или его семантики.

Это означает, что философский текст, будучи интерактивно мотивированным (что определяется последовательностью взаимосвязанных речемыслительных действий), с необходимостью предполагает семантический фундамент. Категория текстовой связности в действительности демонстрирует лишь один из аспектов создания текстовой конструкции. В отношении философского текста данный аспект можно считать преувеличенным, так как в обыденном представлении построение текста – это некоторый, в общем, простой процесс связывания представлений и выражающих их готовых слов, словосочетаний и предложений в единую цепочку. В рамках такого представления значимость категории текстовой связности естественно высока, поскольку именно она выступает основой всей организации текста.

Однако в этой связи стоит упомянуть о точке зрения Л. С. Выготского относительно возможности структурного несовпадения мысли и слов: «Мысль не состоит из отдельных слов – так как речь... Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по своему протяжению, объему, чем отдельное слово. Оратор часто в течение нескольких минут развивает одну и ту же мысль. Эта мысль содержится в его уме как целое, а отнюдь не возникает постепенно, отдельными единицами, как развивается его речь. То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развёртывается сукцессивно. Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Поэтому процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и её воссоздания в словах» [Выготский, 1999: 331]. Следовательно, согласно Л. С. Выготскому в словах имеет место расчленение целостной мысли, а не связывание одной мысли с другой. Всё это

указывает на психологическую основу дискретности дискурса, а не на психологическую мотивированность его связности. Поэтому не стоит полностью отрицать значение связности философского текста при его построении, но не стоит и преувеличивать.

При анализе феномена связности в интерактивном плане следует считать, что в основе этого свойства философского дискурса лежит необходимость последовательного знакового моделирования деятельности из действий автора и адресата, а также из более мелких составных частей в условиях последовательного конструирования знакового материала философского текста: последовательность высказываний предполагает последовательность действий. В процессе создания философского текста важна не только связность высказываний между собой как результат речемыслительной деятельности, но и процесс дифференциации знаковой системы текста для организации смысловой дискретности. Процесс дифференциации знаковой системы на взаимосвязанные дискретные последовательности речемыслительной деятельности в рамках философского текста мотивируется относительной автономностью и качественной определенностью каждого коммуникативного действия автора, предполагающей обязательную последовательность. Категория связности фиксирует необходимость связи между знаковыми моделями последовательных действий с учетом того, что в живой коммуникативной деятельности её единицы (действия) связаны между собой.

Прагматическая определенность философского текста обусловлена не только мотивами деятельности автора и адресата. Она определяется также и условиями осуществления деятельности, особенностями мышления, опосредованными языком, коммуникативным и жизненным опытом, ролевыми представлениями и установками, ценностями и другими характеристиками коммуникантов, вовлекаемых в процесс коммуникативного взаимодействия в рамках философского текста. Важными прагматическими ориентирами следует считать особенности психолингвистического механизма порождения и смыслового восприятия философского текста. В частности, на конструирование философского текста могут оказывать влияние такие аспекты речемыслительной деятельности, как оценочная нагруженность сознания автора, «глубина» понимания текста, отчетливость восприятия смысла, его полнота и обоснованность в рамках системы текста; отстраненность от стереотипов, мешающих творческой деятельности, а также возможность модификации речемыслительной деятельности.

Поскольку в основе философского текста лежит необходимость последовательного развертывания знаковой деятельности реципиента, соотношенной с деятельностью автора, постольку за видимой последовательностью высказываний скрываются последовательности действий. Конструируя философский текст необходимо коммуникативно целесообразным способом дифференцировать знаковую «массу», поскольку связная последовательность речемыслительных действий автора полностью не обеспечивает целостность замысла философского произведения.

Дифференцированность знаковой «массы» в тексте на дискретные знаки и последовательности вызвана относительной автономностью и качественной определенностью действий автора в рамках текстовой смысловой последовательности.

Философский текст – это квинтэссенция идей и мыслей, анализ и интерпретация которых невозможна без процесса прочтения, который всегда опосредован речемыслительной деятельностью адресата. Поэтому текст в философии – это своеобразный медиатор в коммуникативном пространстве автора и адресата: возможность интерпретировать философские концепции и идеи. Необходимо отметить, что по ряду причин такой подход может рассматриваться как нерациональный. Например, В. В. Миронов считает, что «для философии текст является источником информации, источником новых смыслов и прочтений, но не только. Здесь не менее важны ценностно-эмоциональные критерии, а философский текст в некоторых случаях может доставлять чисто эстетическое удовлетворение. Философским текстом можно восхищаться как продуктом высокохудожественного творчества, можно быть удивленным или даже оскорбленным, встречая слишком обыденную терминологию, и почти всегда испытывать трудности, связанные с пониманием философского языка» [Миронов, 2005: 265]. Поэтому философский текст – это не только процесс трансляции философских концепций и мыслей.

Анализ философского текста не может быть обусловлен рассмотрением только его знакового содержания, так как невозможно игнорировать культурно-исторического контекст его создания. Надо учитывать, что, воспринимая философский текст, адресат отделён от автора временем, пространством, а также зачастую языковыми аспектами, поэтому процесс восприятия и интерпретации всегда опосредован индивидуально-психологическими особенностями адресата. Вследствие чего интерпретация текста будет детерминирована целым рядом факторов. Интерпретировать текст – не значит свести этот процесс только к пониманию его целостности. Этот процесс всецело зависит и от внетекстовых связей, поскольку они воссоздают его значимость в рамках когнитивной системы адресата. Следовательно, понимание и интерпретация текста в философии базируется не только на анализе его содержательных фрагментов. Это всегда результат взаимосвязи текста и контекста, речемыслительных действий автора и адресата, в том числе знаковых дискретностей. Текстовая семантика всегда соотнесена с миром предметов, но такое соотнесение имеет субъективный характер. Действительность не отражается, а преломляется в нас, считает Ш. Балли [Балли, 2001: 23]. Однако действительность автора преломляется в образе реципиента как адресата текста.

Таким образом, семиотический анализ знаковой сущности философского текста показывает, что существует закономерная связь речемыслительных действий автора и адресата и сущности философского текста: текст представляет собой одновременно и знак, и систему знаков, и их последовательность. Обозначаемым в философском тексте выступают

сопрягаемые речемыслительные акты автора и адресата. Другие объекты обозначения выступают в качестве частных, отдельных моментов семиотического отношения текста и коммуникативных деятельностей, связанных с ним. Недеятельная семиотическая интерпретация природы философского текста реализует подход к тексту как более частный по сравнению с системно-деятельностным подходом, что превращает его в большей степени в феноменологический подход, чем сущностный.

Поскольку обозначаемое философского текста является продуктом интерпретации адресата, то семантическое и прагматическое измерение текста совпадает, что обосновывает необходимость комплексности при анализе текстовой организации. Следовательно, специфическим содержанием философского текста как знака рационально считать сопряженную модель коммуникативных деятельностей автора и адресата текста. Предлагаемое понимание коммуникативного содержания философского текста целесообразно учитывать при анализе различных аспектов текстовой организации. В результате чего, знаковое содержание философского текста рационально представлять как закономерное и необходимое свойство текста как знака, связанное с его функционированием в качестве модели сопряжения коммуникативных деятельностей автора и адресата.

Таким образом, философский текст представляет собой звено онтологии коммуникативной деятельности между автором и абстрактным адресатом. Свойства философского текста в этом случае как проекция на предметно-знаковое звено коммуникации и специфическое преломление в нем свойств онтологии коммуникативного пространства. Философский текст осуществляет знаковое управление деятельностью адресата соотносительно с деятельностью автора. Поэтому философский текст реализует множество коммуникативных функций и выступает как обязательное условие осуществления вневременной и внепространственной связи между автором и адресатом. Выступая компонентом коммуникативного пространства, философский текст как знак всегда имеет деятельностьную природу. Но его природа состоит не в тождественности деятельности, а в существовании между философским текстом и деятельностями автора и адресата сообразной их природе необходимой связи, зависимости. Следовательно, философский текст – не деятельность сама по себе, а знаковая модель, программа деятельностей участников коммуникативного пространства в философии.

Список литературы

- Алексеев, 2006 – *Алексеев А. П.* Философский текст. Идеи, аргументация, образы: учебное пособие / Алексеев А. П. Москва: Прогресс-Традиция, 2006. 328 с.
- Балли, 2001 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: УРСС, 2001. 392 с.
- Выготский, 1999 – *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Изд. 5, испр. Изд. «Лабиринт». М., 1999. 352 с.

Миронов, 2005 – *Миронов В. В.* Философия и метаморфозы культуры. М., 2005. 424 с.
 Монтень, 1991 – *Монтень М.* Опыты. М.: Мысль, 1991. 754 с.

УДК 137

Гришечкина Г. Ю.,

*кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков,
 Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева*

Влияние русского языка на развитие мозга человека

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-2-43-51

В статье анализируется роль языка в развитии сознания человека. Автор показывает проблему генезиса языка как одного из аспектов антропогенеза и значимость в этом различных языковых моделей. В статье проводится анализ исследований в языкознании, этнографии и философии языка. Автор выдвигает гипотезу относительно русского языка как наиболее сложного в структурном плане и его роли в развитии мозга.

Ключевые слова: *язык, русский язык, мозг, нейролингвистика, носитель языка, материнский язык, реальное, воображаемое, символическое, коммуникаторы, носитель языка, функция, структура.*

Grishechkina G. Yu.,

*Candidate of Philological Sciences,
 Associate Professor, Department of Foreign Languages,
 Orel State University named after I.S. Turgenev*

The influence of the Russian language on the development of the human brain

The article analyses the role of language in the development of human consciousness. The author shows the problem of language genesis as one of the aspects of anthropogenesis and the significance of different language models in this. The article analyses studies in linguistics, ethnography and philosophy of language. The author puts forward a hypothesis concerning the Russian language as the most complex in structural terms and its role in the development of the brain.

Keywords: *language, Russian language, brain, neurolinguistics, language carrier, mother tongue, real, imaginary, symbolic, communicators, language carrier, function, structure.*